

Российских лауреатов «Еврооскара» — премии Европейской киноакадемии «Феликс» — можно пересчитать по пальцам, а сценаристов среди них всего —

2 человека

Правила главного героя

Ариф Алиев — один из самых ярких кинодраматургов современной России, по сценариям которого поставлено минимум два культовых фильма. В его авторской копилке такие работы, как «Кавказский пленник», «Мама», «Займемся любовью», «1612», «Монгол», «Новая земля» и сериал «Застава Жилина». Сегодня выдающийся сценарист — гость «Реальной газеты»

Беседовал Глеб Бобров

— Если судить по вашим интервью, то вы являетесь сторонником теории «холстведет художника», подразумевающей алгоритм: «Меньше просчитывай — больше твори», где творческий процесс выведет художника (писателя, сценариста) к нужному результату. Эта теория четко пересекается с религиозной доктриной «сотворчества», где художник — медиатор между миром горним и миром земным, и творит он вместе с Творцом. Насколько вы разделяете эту доктрину?

— Нет, я ничего подобного не говорил. Я стараюсь даже в устной речи не употреблять штампы, трюизмы, стертые, мертвые, потерявшие смысл слова. Но мир наш несовершенен. В печатных интервью враги-редакторы, а в фильмах режиссеры и актеры по незнанию или лености заменяют мои предложения и диалоги бездарной отсебятиной, штампами. Бывает, да. Спросите, какой смысл заменять? Никакого. У нас страна такая. Проект утвержден, смета согласована, а всё равно руководители и исполнители пытаются сделать по-своему, недоделать, испортить. Никаких исключений. Не важно, дом вы строите или фильм снимаете. На строителей хотя бы наорать можно, а у сценариста покупают

сценарий — и пошел вон, молись, чтоб хоть что-то получилось.

В моем романе «Новая Земля» главный герой предлагал за употребление литературных, языковых и даже смысловых штампов закрывать на строгий режим. Герой — псих и убийца на пожизненном, но я с ним согласен. Недавно Роскомнадзор запретил на телевидении, в прессе и даже в комментариях несколько сотен ругательных и грубых слов и звукоподражаний. А стоило запретить именно слова бессмысленные или с неясным, расплывчатым смыслом. Сразу бы проще стало жить. Представьте, ляпнул кто-нибудь про «туристический кластер» или про «мероприятия по обеспечению безопасности». Желаящих поспорить отсылаю к термину «автоматический конформизм». Неправда, что слова вне контекста мало что значат. Сколько несчастий от лживых слов «революция», «коллективизация», «ваучер», «ипотека», «кредит». Таких слов сотни, штампов — тысячи.

Теперь о том, что вы называете доктриной. Я не верю в автоматическое письмо, медитативное творчество, творческий транс и прочее из этого ряда. Даже в творчество без плана не верю. Я сценарист, работаю в зрительском кино. Если я с пренебрежением отнесусь к правилам драматургии, продюсер не купит сценарий. И

не потому, что продюсер ничего не понимает в искусстве. Фильмы проваливаются по многим причинам, успех просчитать невозможно. Но хотя бы драматургия должна быть крепкая. Кроме того, сценаристу не позволено жить в Гуляй Поле. Оговариваются сроки сдачи заявки, расширенной заявки или поэпизодного плана, первого варианта, финального варианта. Заявку я пишу честно, для себя, прежде всего, придумываю и прорабатываю сюжет, историю. Работу над сценарием я начинаю только после того, как придуманы и записан сюжет. Это важно выделить. Пока сюжет не записан, его не существует. Сценарист не поэт. Это у поэтов «погудка», вибрации тонкого мира. А у сценариста если что счастливо прогудело в голове, надо садиться и писать и ни в коем случае не останавливаться. Даже в 8-серийном сериале четыреста страниц — почти год работы. Горний Творец заскучает с художником-медиатором возиться, двадцать раз переписывать, поправки вносить. Какой может быть Горний Творец, если сценарий читают десятки страстных кинодеятелей, одних редакторов может быть пять и ещё несколько анонимных, со стороны телеканала, и каждый желает показать свою значимость, а о своем безумии никто не догадывается.

Впрочем, план — это нарушение традиций русской литературы.

Мы уже говорили про отношение к проектам. Так вот, по плану русские писатели не писали. Знаменитое восклицание Пушкина: «Представь, какую штуку удрала со мной Татьяна: она замуж вышла». Пушкин не планировал, что Татьяна не станет дожидаться Онегина. Дописал восьмую главу до середины — и вдруг! И Тургенев говорил, что роман «Отцы и дети» написан у него без плана, сам собой, будто кто-то за него писал. Достоевский работал над планом «Преступления и наказания», но это был план короткой повести, которая переросла в роман, который Достоевский сжег, а после начал заново и уже без плана. Обычно русский писатель не знает, что у него на следующей странице. В «Анне Карениной» Вронский неожиданно для Льва Николаевича вздумал застрелиться. И так далее. Литературоведы спорят, писал Шолохов подробные поглавные планы «Тихого Дона» или нет. Про других классиков не спорят даже, подробных или хотя бы внятных планов не писал никто. Известно, что когда Алексею Толстому заказали сценарий «Петра Первого», он выторговал себе право получить половину гонорара без заявки. Времена были жесткие, середина 30-х, но выдали деньги. Алексей Николаевич сценарий написал и даже опубликовал. Фильм получился достойный, роман — гени-

альный. Сценарий вот только ни с какого бока не похож ни на роман, ни на фильм.

— Вы известный драматург, автор сценария как минимум двух культовых фильмов и, в то же время, известный писатель, автор романов «Мама», «1612», «Новая Земля». Так что первично лично для вас, проза или драматургия?

— Писательский опыт у меня куцый. Я закончил сценарный факультет ВГИКа, зарабатываю ремеслом сценариста, а каждый пишущий знает, как трудно переключать мозги с одного вида литературного труда на другой. Есть и ещё причина. Я современные комедии не люблю, скучно мне, для авторского кино никогда не работал, а другого сейчас почти нет. Кинодохнет и у нас, и в США. Зато много работы на сериалах. А если пишешь сериал, на роман не остается ни времени, ни сил. И самое главное, чуть не забыл. Писателям перестали платить. Писатели сейчас работают редакторами, преподают, переучиваются на сценаристов. Исчезла профессия писателя. За двести лет чтения... а массовому, тиражному чтению всего двести лет... написано очень много книг. На Западе продолжают писать, там рынок больше и пиратства меньше, там литература превратится в хобби лет через десять. В общем, книг надолго хватит.

Прямая речь

В свое время мне выпала редкая удача прочесть сценарий фильма до начала съемок. Речь идет о провалившемся в прокате, но потом ставшим чуть ли не культовым фильме «Новая земля». С тех пор я очень внимательно слежу за работами Арифа – настоящего профессионала с большой буквы

Глеб Бобров, выпускающий редактор «РГ»

19

реальный
разговор

Читатели не сразу заметят смерть профессии. Но мертвая она. Болела долго. Таланты новые если и появлялись, то хирели быстро, и не было в них настоящей новизны – повторы. Из живых один писатель сейчас – Лимонов. Рядом никого. Да и он сейчас разве писатель по профессии? Нет, конечно. Книжки мало кто читает. Желающие читают блоги, в группах сидят тематических, сами пишут и постят, и жабы делают. А фотографии, видео? Самые трогательные, самые безжалостные. И пусть не говорят писатели, что блогеры плохо пишут, безграмотно. Вдруг проявилось то, чего не замечали раньше. Самое важное в литературе – «над вымыслом слезами обольюсь». А теперь это можно найти не только в книге, а в интернетном общении, прямом или опосредованном. Что я говорю, «не только!» В интернетном общении эмоций побольше будет, поразнообразнее эмоции и реакции. И быстрее. Раньше писали в конце книги: «Отзывы присылайте в издательство по адресу...» или писали вот такое: «Редакция не вступает в переписку. Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются». А сейчас отзыв – в ту же секунду, и вот тебе рецензия, а вот – обругали тебя и высмеяли, нервных прошу удалиться. Нет, не хочу спорить, массовая книга умерла. Как шахматы.

Кстати, культовые фильмы – это те, которые миллионы зрителей пересматривают по многу раз. Например, «Pulp Fiction» или «Бриллиантовая рука», или «Место встречи изменить нельзя». Для разного времени и разных возрастов – разные. Из российских фильмов культовыми можно уверенно назвать «Брат-2» и «Особенности национальной охоты». О фильмах по моим сценариям мне трудно судить. Некоторые я не смотрел. Тяжело смотреть, невыносимо даже. По лучшему моему сценарию снят невероятно плохой фильм. И ладно бы сценарий покромсали. Но сценарий был утвержден, смету утвердили, а треть сцен не сняли, а те, что сняли, снимали без репетиций, без реквизита, без художника толкового... не буду утомлять перечислением. А я сценарий такого уровня не напишу уже, я знаю. Ничего от меня не зависит. Вы меня простите, граждане Украины, сейчас о вас много говорят, но я после этих съемок понял, как вы там живете. Фильм российский, но производящая компания украинская, это частая схема, российские гешефтмахи любят снимать в Украине. И денег, вроде, было выделено достаточно. Теперь я когда слышу, что у Украины денег нет, про МВФ говорят, про миллиарды, я понимаю, почему денег нет. С такой работой самую богатую страну можно разорить. Так что какие культовые фильмы, о чем

вы говорите – хотя бы до конца досмотреть.

– Если остановить на улице любого человека и попросить навскидку назвать известных русскоязычных писателей рубежа XX-XXI веков, то самый краткий список будет исчисляться десятками имен. Если же попросить вспомнить драматургов, то в лучшем случае мы услышим 2-3 фамилии. И это действительно будет отображением реальной пропорции. Почему – так?

– Не уверен, что прохожие называют хотя бы двух русских писателей рубежа наших веков. Сценаристов я и сам мало кого знаю. И режиссеров тоже. Я люблю американские сериалы, начиная примерно с 2005 года. Тогда они изменили схему, сценарист стал главным, обычно он обозначен в титрах как «created by», создатель

Фильмы, снятые по моим сценариям, мне трудно судить. Некоторые из них я не смотрел. Тяжело смотреть, невыносимо даже

сериала. Кажется, один из первых таких сериалов – «Вероника Марс», отличная работа, за десять лет сериал нисколько не постарел. Технические сценаристы могут меняться, режиссеры меняются от серии к серии, но зритель этого не замечает, потому что created by не меняется – и он отвечает за всё. Как только американцы приняли эту схему, сериалы стали увлекательнее фильмов. Есть примерно тридцать сериалов, которые можно смотреть сутками без перерыва. Я не пробовал, но мне знакомые признавались. Хотя и я как-то посмотрел подряд десять серий первого сезона «Revenge». Я к тому говорю, что не знаю, кто created by «Revenge» и «Prison break». А это выдающиеся сценаристы, лучшие. У нас пока ещё продолжают раздувать режиссеров и даже продюсеров, но вряд ли это продлится долго. Да, Россия – страна начальников, у нас уважают только начальников. Но,

я надеюсь, вскоре и в нашем сериальном производстве перестроят работу, как в Америке. Слишком много скучных, стыдных сериалов у нас. И сценаристы, поверьте, меньше всех в этом виноваты.

– Известный парадокс, если перед началом фильма мы видим уведомление «Фильм основан на реальных событиях», то можно быть уверенным, что рассказанная история будет в разы уступать истории полностью вы-

мышленной сценаристом. В чем загвоздка?

– Это обширный вопрос. Вряд ли можно ответить коротко. Дело в том, что в жизни каждый из нас играет роль. Шекспир прав. Кому-то из нас достается роль со словами «Кушать подано», это счастливицы, им достались пятнадцать минут славы. А большинство – массовка, актеры без реплик, без действия, наши роли не обозначены в афише, нас даже не видно, мы скрыты за спинами более удачливых или пробивных, или тех, кому просто повезло родиться в богатой или влиятельной, или известной семье. Однажды, устав объяснять продюсерам, каким должен быть главный герой, я написал свои «Пять правил главного героя». Невыдуманный герой никогда не соответствует этим правилам. Даже Че Гевара.

Однажды мне предложили написать сценарий о Че Геваре, причем я мог выбрать время действия. Я выбрал период между концом «Дневника мотоциклиста» и высадкой на Кубу. То есть события в Гватемале, знакомство с Фиделем, подготовка к высадке, плавание на «Гранме». Отличная задача для драматурга: мальчик становится мужчиной, Золушка – принцессой, раб Темуджин – Чингисханом, никому не известный Эрнесто Гевара становится легендарным Че. Начал я писать, и выяснилось, что у Че Гевары отсутствует цель. А личная цель – первое правило главного героя. Причем защита родины, освобождение рабочих, экспорт революции и прочее целями в кинодраматургии быть не могут. Здесь спорить не надо, это так – и точка. У настоящего Че Гевары киноцели не было. Почему он упрямился Фиделя взять с собой? Для кинодраматурга нет ответа.

Тем более невозможно писать о

Шекспир прав. Кому-то из нас достается роль со словами «Кушать подано», это счастливицы, им достались пятнадцать минут славы. А большинство – массовка, актеры без реплик, без действия

настоящих героях, вроде капитана Филиппа из недавнего фильма с Томом Хэнксом. Или был фильм о настоящем маньяке, который убивал-убивал, а потом в тюрьме раскалялся. Я знаю, сценаристам пришлось потрудиться. Откуда знаю? Да потому что у обоих героев есть личные киноцели. Я утверждаю, что сценарии для «фильмов по реальным событиям» пишутся точно так, как и полностью вымышленные. Необходимость под-

гонять факты только осложняет работу, а иногда делает невозможной. Не так давно я написал сценарий сериала о Екатерине Второй. Это была тяжелейшая работа. Про Екатерину многое известно, поэтому мало что можно приоткрыть. Но вот как, например, можно объяснить, что она семь лет после венчания оставалась девственницей? Хорошо, сделаем мужа инфантильным импотентом. Но она ведь известна любовью к мужчине. И она красавица, она привлекает мужчин, все без ума от неё, все. Чего она ждала семь лет? Нет ответа. Зато понятно, почему в России не снято ни одного фильма про Екатерину, а на Западе три или четыре. Потому что в России нельзя так нагло враг, как врут американцы. У нас даты, консультанты, учебники истории, любители истории, которые не читали учебников. У нас и не наврешь, а всё равно обвинят. Я придумал единорога в «1612» – просто взял с герба Ивана Грозного, и на воротах в Кремле были единороги, а рогами расплачивались с наемниками. Так, хором обвинили, что единорогов на Руси не знали, это из «Властелина колец». Не принял зритель. Неужели так трудно сообразить, что слово русское, древнее, значит, какое-то соответствие должно быть. Или обвинили, что придуман испанский наемник. И не один историк выступил, а двое, и публицисты тоже возмущались. А в Историческом музее – шпага испанского наемника того времени лежит в витрине. Трудно писать сценарий, если нет устоявшегося мифа. История – аморальная наука, взгляды меняются, как угодно властям, факты подтасовываются или тоже меняются. Хронологию меняют. Ну, какой может быть «1612», если «от сотворения мира» отменил только Петр Первый?! Миф важнее для кино, чем хронология, источники. И, конечно, исторический фильм, фильм по реальным событиям должен быть сделан безупречно. Любая фальшь, неряшливость, эмоциональная леность гибельны. Если

зрители говорят про шпагу, значит, фильм попросту не понравился.

– Вы являетесь обладателем европейского аналога «Оскара», премии «Феликс» 1996 года Европейской киноакадемии, за сценарий фильма «Кавказский пленник» – одного из лучших российских фильмов, посвященных теме чеченской войны. Объясните этот невероятный факт: почему столь насыщенная драматизмом тема, причем,

столь острая и злободневная для России, дала так мало творческого материала? Почему достойные книги и фильмы об этих событиях можно перечислить по пальцам одной руки?

– Сценарий «Кавказского пленника» написан до чеченской войны. В 90-м году я был в Дагестане, в Чохе, Купле и Гунибе, ну и проникся. О войне в Дагестане или Чечне тогда никто не думал, безопасно было, но в Карабахе уже воевали. Через два года я написал на тему кавказской войны два сценария, подал на конкурс, оба не попали даже в лонг-лист. Ну а в 95-м, когда начали снимать, уже в Дербенте обсуждали Самашки, волновались, боевиков ещё не было, но гулять уже было опасно по горам, криминал. Пожалуй, «Кавказский пленник» можно пересмотреть. Что-то было в нём. Может быть, что-то осталось. Однажды я был на Сент-Винсенте, утром из-за разницы во времени встаешь рано, включил телевизор, показывают «Пленника». Часов пять было по местному времени, то есть они забивали эфир, в пять утра кто будет смотреть русское кино? Но всё-таки крутили. Я потом спрашивал у местных, никто не смотрел ни одного русского фильма, не смогли вспомнить. А вот «Пленника» купили у них почему-то.

Я знаю, что про Чечню есть и другие фильмы, но я их не стал смотреть, за исключением «Войны». Актеры фальшиво играют. Достаточно нескольких минут – и смотреть не хочется. И не важно, какой там сценарий, про что. «Война» неплохо сделан, но пересматривать его мне не хочется.

А сейчас, насколько я знаю, про Чечню сериалы не снимают, потому что эта тема не приветствуется на телевидении. Много лет уже. Про Афганистан – пожалуйста. На афганскую тему мне понравилась «9 рота». И сценарий хороший, и режиссура достойная, актеры открыты новые, все таланты. Я знаю, что фильм критикуют. Но мне не понравилась только история с пулеметным стволом. Глупость, конечно, но ведь запомнилась. Слишком уже косяк, несерьезно.

И ещё в заключение немного о теме, «насыщенной драматизмом», как вы полагаете. Хотя мы и говорим в обычной речи «тема афганской войны» или «тема войны в Чечне» – это никакие не темы, а материал, массив информации. Тему надо ещё придумать. «Кавказский пленник» – это тема. В рассказе Толстого «Кавказский пленник» тема заявлена, но киносюжета нет, экранизировать невозможно. Я придумал современную сюжетную основу для сценария: мать узнает, что её сын попал в плен в Чечне, и едет его спасать. И героев придумал новых. Костылина нет вовсе, а от Жилина осталась только фамилия.